

Молодой король

В ночь перед коронацией молодой король находился один в своей комнате. Все придворные давно уже простились с ним и отправились в Главную залу для выслушивания наставлений от распорядителя дворца.

Юный шестнадцатилетний король не жалел об уходе придворных; наоборот, их присутствием он тяготился. Облегченно вздохнув, король кинулся теперь на свое роскошное мягкое ложе и, уставившись в одну точку, стал думать. О чем думал король — неизвестно; но по всей вероятности мысли его сосредоточивались на том перевороте, который так неожиданно произошел в его жизни. А переворот был крупный, из ряда вон выходящий. В самом деле, король не мог дать себе ясного отчета в том, как это он — еще на днях обитатель лесной чащи — стал теперь королем. Правда, ему говорили, что он вовсе не сын бедного пастуха, которого он считал отцом, а единственный сын принцессы, дочери старого короля. Когда он пытался расспрашивать придворных о своей матери-принцессе, они смущенно говорили, что она скончалась. Больше придворные ничего не сообщали, а молодой король не настаивал. По если бы он вздумал расспросить поподробнее о своем прошлом, то узнал бы много интересного. Так, он узнал бы, что его мать, дочь старого короля, тайно вышла замуж за человека, низшего ее по происхождению. Молодой король узнал бы, что от этого брака он и родился, что его отец был, по словам одних, иностранец, очаровавший принцессу чудной игрой на лютне, а по словам других — художник, работавший в соборе. Молодому королю сообщили бы далее, что его через неделю после рождения тайно, во время сна, похитили у матери и отдали на воспитание бедному крестьянину-пастуху, жившему одиноко в лесу. Придворный врач, если его порасспросить, мог бы тихонько рассказать и о странной смерти принцессы, которая умерла вскоре после рождения ребенка от примешанного к бокалу вина яда. На ушко врач сообщил бы, что тело принцессы было брошено на загородном кладбище в могилу, где лежал еще неостывший труп молодого красавца-иностранца.

Но молодой король не доискивался до тайны своего рождения. Теперь он думал о том, как его нашли охотники, когда он шел за стадом и играл на свирели. Ему вспомнилось, как его, босого, привели к старому умирающему королю, который в присутствии совета объявил его своим наследником. Вот о чем думал король.

Между тем придворные, выслушав наставления распорядителя дворца, шли чинно в свои покои. Двое из них — один постарше, а другой молодой — о чем-то оживленно говорили.

— О, ты еще новичок и не знаешь молодого короля, — говорил старый придворный молодому, — С самого первого момента своего появления здесь молодой король, тогда еще принц, почувствовал необыкновенное влечение к красоте. Он издавал крики восторга при виде красивых одежд и драгоценностей... А если бы ты видел, с какой радостью он сбросил с себя грубую рубашку и жесткий овечий плащ!.. Правда, придворный церемониал (порядок) заставил его скучать и даже тосковать о свободной жизни в лесу; но стоило лишь принцу вырваться из заседания совета, как он сбегал вниз и принимался путешествовать из одной комнаты в другую. И с каким восхищением он бродил по комнатам один, без посторонних. Однажды к нему явился губернатор с приветствием от имени жителей своей провинции. Посланный придворными в малую залу, губернатор застал принца коленопреклоненным пред большой картиной с изображением трех греческих богинь. А в другой раз молодого короля нашли, после немалых поисков, в маленькой башне. С каким благоговением стоял он здесь и созерцал мраморную статую прекрасного юноши — греческого бога Адониса!.. Часто он прижимал своими губами к холодному мрамору чудных изваяний и статуй. А раз король провел почти всю ночь в саду, восхищаясь игрой лунных лучей на серебристых тополях и на посеребренных статуях. Все редкие ценности влекли к себе короля, и он хотел обладать ими. Несколько месяцев тому назад король призвал купцов и дал им наказ отправиться в далекие страны. И вот поехали купцы: один — на север за душистой амброй, другой — в Египет за зеленой бирюзой и красным редким рубином, который находится в руслах небольших речек, третий — в Персию за шелковыми товарами и шальями, четвертый — в Индию за морскими жемчужинами, слоновой костью и за голубой эмалью. Купцам строго-настрого приказано было вовремя вернуться ко дню коронации и привезти все в точности...

— Ну, что же, все привезено?

— О, да, все... и все уже готово: мантия, вытканная из золота, скипетр, обвитый кольцами жемчуга, и корона, украшенная ярко-красными рубинами. Коронация будет пышная, небывалая... Однако поздно... Пойдем спать...

Придворные простились и отправились на покой.

Королю же не спалось. Мысли его от воспоминаний прошлого перешли к предстоящему завтра торжеству. Король стал думать об уборах и о своем

одеянии. Через несколько минут он встал и подошел к открытому окну. За окном показались неясные очертания собора, гордо поднявшего шапку своего купола над темной массой домов. По набережной реки мерно ходили часовые. Из сада неслись переливы соловья. А сочный аромат цветов, в особенности жасмина, так и врывался в комнату. Очарование прекрасной таинственной ночи сразу охватило короля... Он откинул со лба прядь темных кудрей, быстро взял лютню и заиграл, плавно перебирая струны. Вскоре однако он почувствовал какое-то томление. Руки его опустились, и ему захотелось спать. Башенные часы пробили полночь. Король позвонил; пришли пажи. Они, как требовали того придворные правила, с разными церемониями раздели короля, умыли его руки розовой водой, усыпали изголовье цветами и, низко поклонившись, вышли. Не успели они уйти, как король уже уснул.

И приснилось ему вот что. Он, король, находится будто бы в низкой темноватой комнате. Кругом стучат и визжат станки рабочих-ткачей. Слабый свет еле освещает бледные лица, ткачей. Болезненный, истомленные дети сидят на корточках близ взрослых и помогают им. Видно, что дети голодны. Их руки дрожат и едва повинуются им. За столом сидят угрюмые, суровые женщины и шьют. В комнате стоит тяжелый воздух и отвратительный запах. Стены сырые. Рабочие угрюмо молчат. Король, подойдя к одному из рабочих, стал наблюдать за его работой. Ткачу эту не понравилось и он сердито спросил:

— Чего тебе надо? Зачем ты на меня глядишь? Уж не приставлен ли ты нашим хозяином шпионить?

— А кто твой хозяин? — спросил юный король.

— Да такой же человек, как и я, — отвечал рабочий — только та и разница между нами, что хозяин носит дорогие одежды, а я вот в лохмотьях, он тучен от пресыщения, а я едва не умираю от голода.

— Разве ты раб этого человека? — спросил с удивлением король. — Ведь страна свободна?

— Да, но мы должны работать, чтобы жить и не умереть с голоду, но, работая на богатых, мы получаем от них такую жалкую плату, что от непосильных трудов и недоедания умираем.

— Неужели и все рабочие так?

— Да, все: как молодые, так и старые, как мужчины, так женщины и дети. Никто о нас не заботится. По нашим жилищам ходит Бедность и всюду следит за нами своими голодными глазами, а вслед за нею спешит к нам

Преступление. И всюду стерегут нас Нищета и Унижение... Но для чего тебе все это нужно? Очевидно, ты не наш, потому что у тебя такое жизнерадостное лицо...

Ткач отвернулся и приготовился пустить свой челнок на станок.

Приглядевшись ближе, юный король заметил, что на челнок были намотаны золотые нити. Короля объял ужас... Предчувствуя недоброе, он глухо спросил:

— Что это за ткань, которую ты делаешь?

— К чему тебе это знать? Но, впрочем, удовлетворю твоё любопытство: это одеяние для коронации нашего короля...

— Как?.. — громко вскрикнул молодой король и... проснулся.

Поднявшись на своей постели, он взглянул в открытое окно. Медово-желтая луна как будто улыбнулась ему... На улице по-прежнему была тишина. Король успокоился и опять заснул. Но только что он заснул, как вновь увидел сон. Ему снилось, что он находится на палубе (верхняя часть) галеры (большое морское судно, куда ссылаются преступники). Человек сто рабов гребли, а король сидел на ковре рядом с хозяином галеры. Хозяин был черен как ворон. На нем была красная шелковая чалма (головной убор). На его ушах висели большие серебряные кольца. На рабах же болтались рваные передники; остальной одежды на них не было. Каждый раб был прикован железной цепью к другому рабу. Горячие лучи солнца жгли спины рабов, но они неустанно гребли. Если же какой-нибудь раб на несколько секунд приостанавливался для отдыха, надзиратели-негры хлестали его ременными бичами. Вскоре галера достигла берега и вошла в маленький глубокий залив. Трое гребцов стали измерять глубину. Вдруг к берегу подъехали верхом на ослах три араба. Крикнув что-то угрожающее гребцам, они стали метать в галеру короткие копья. Хозяин судна поспешно схватил тугой лук и пустил в арабов стрелу. Стрела вонзилась одному арабу в горло. Он покачнулся и упал. Остальные арабы ускакали. Тогда гребцы кинули якорь, а негры принесли длинную веревочную лестницу с тяжелыми гирями. Хозяин ловко перекинул ее через край в воду, а концы ее привязал к железным скобам. После этого приготовления хозяин сказал что-то неграм; те схватили одного из молодых рабов, сняли с него оковы, залепили ему уши и ноздри мягким воском и привязали к его пояснице тяжелый камень. Хозяин приказал рабу доставать из воды самые лучшие жемчужины. Раб еле-еле спустился по лестнице в воду и нырнул. На месте его погружения образовался небольшой круг и поднялось несколько пузырьков. В тихой, прозрачной воде показались прожорливые акулы. На нос судна сел укротитель акул и стал громко бить в барабан.

Прошло немного более минуты. Раб вынырнул из воды и, неровно, тяжело дыша, схватился за лестницу. В правой руке он имел жемчужину. Негры не дали ему отдохнуть, выхватили жемчужину и столкнули его обратно в пучину. Рабы заснули над веслами... А раб-водолаз все снова нырял и всякий раз выныривал с прекрасной жемчужиной в руке. Хозяин брал жемчужины, взвешивал их на небольших весах из слоновой кости и опускал в кожаный зеленый мешочек. Но вот водолаз нырнул в последний раз и принес жемчужину прекраснее всех остальных. Формой она походила на полную луну, а цветом — на ясную утреннюю звезду. Передавши эту жемчужину неграм, раб вытянул вверх руки и его вытащили на палубу. Лицо раба страшно побледнело; он не мог держаться на ногах и упал. Из его ноздрей полилась кровь. Дрогнув несколько раз, он затих навеки... Негры переглянулись и тотчас же выбросили его тело в море на съедение акулам. Хозяин не смутился, он только как-то странно усмехнулся и тотчас же взял принесенную из воды последнюю жемчужину. При виде ее он приятно осклабился и, проговорив: «она будет украшением скипетра короля», приказал неграм сниматься с якоря.

Юный король, все время находившийся в каком-то оцепенении, от последних слов хозяина судна пришел в себя, громко вскрикнул и... проснулся.

В открытое окно было видно как рассвет боролся с мраком ночи и тушил горевшие звезды. Вскоре очи короля смежились опять, он заснул и вот что увидел в третьем сне.

Ему приснилось, что он идет дремучим тропическим лесом. На деревьях висели роскошные плоды и росли красивые ядовитые цветы. Вверху, громко болтая, перепархивали с дерева на дерево разноцветные попугаи, а внизу ползали с шипением ехидны. На полянах в горячей тине нежились черепахи. На крупных деревьях сидели павлины и лазили обезьяны. Долго шел лесом король, наконец, достиг опушки леса. Здесь ему представилась следующая картина.

Множество людей работало в русле отведенной в сторону реки. Рабочие рыли русло и спускались в глубокие колодцы. Одни из них кололи береговые скалы, а другие копались в песке. Береговая зелень была смешана с грязью, деревья вырыты с корнями, а цветы затоптаны. Все до одного рабочие были заняты, каждый из них суетился и спешил. Король взглянул под гору.

Оттуда, из мрака расселины, за рабочими приглядывали Смерть и Алчность [1].

И говорит Смерть Алчности:

— Я не могу оставаться без дела, мне надо что-нибудь похитить; отдай мне третью часть рабочих, и я уйду.

Алчность ответила:

— Ни за что. Они — мои слуги.

— А что ты держишь в руке? — вдруг спросила Смерть.

— Три хлебных зерна. Но зачем тебе это?

— Да мне скучно. Дай мне хоть одно зерно, — вскричала Смерть, — и я уйду отсюда!

— Ты ничего не получишь, — ответила Алчность, поспешно пряча руку в складки своего покрывала.

Смерть усмехнулась и, достав черную чашу, наполнила ее болотной водой. Из чаши поднялась испарением болотная лихорадка (болезнь). Она окутала холодным сырым туманом толпу рабочих, и трети последних не стало: они были мертвы.

Алчность, лишившись трети своих людей, зарыдала, говоря Смерти:

— Уходи отсюда! Разве мало тебе добычи на белом свете? В Азии теперь война, и враждующие короли призывают тебя... Уходи же и не возвращайся!

— Я не уйду до тех пор, — отвечала Смерть, — пока ты не дашь мне хоть одного хлебного зерна.

Алчность злобно посмотрела на Смерть и, еще крепче зажав руку, со скрежетом сказала:

— Ничего, ничего я тебе не дам...

Смерть опять усмехнулась, махнула рукой, и из лесной чащи, где росла ядовитая цикута (растение), вылетела пламенем лихорадка и прошла сквозь толпу людей. От ее прикосновения не стало еще трети людей.

Алчность посыпала пеплом голову и, бия себя в грудь, кричала:

— Ведь это жестоко, жестоко! В Туркестане, в Индии и в Египте царит голод. Ты там нужна. Иди туда и не трогай моих людей!..

— До тех пор не уйду, пока ты не дашь мне одного хлебного зернышка, — решительно проговорила Смерть.

— Ничего не получишь, — ответила Алчность и отвернулась от Смерти.

Смерть презрительно улыбнулась и свистнула сквозь пальцы. Поднялся вихрь, и в воздухе появилась гигантская черная женщина. На ее челе была красная надпись: «Чума». Она простерла свои крылья над долиной, где работали люди, и застыла в ожидании.

Вскоре на месте работ не осталось ни одного человека: все перемерли. Алчность огласила долину громкими воплями и полетела за лес.

Смерть, погрозивши ей вслед, свистнула и в кровавом вихре мгновенно умчалась.

Молодой король заплакал и закрыл лицо руками.

— Не плачь: так всегда бывает, — сказал ему кто-то сзади.

Король обернулся и увидел человека в длинной, широкой одежде.

— Кто эти мертвецы-рабочие и чего они искали? — спросил король.

— Они наняты купцом и искали рубинов для короны молодого короля, — отвечал человек.

— Для какого короля? — спросил бледный король.

— А вот взгляни в это зеркало — и узнаешь его, — сказал человек и, достав небольшое серебряное зеркало, поднес его к лицу короля.

Король, взглянув в зеркальце, увидел себя. Он вскрикнул и... проснулся.

В открытое окно рвались яркие лучи солнечного света. В саду распевали птицы...

Король позвонил. Вошли пажи, а за ними распорядитель дворца и высшие сановники. Пажи принесли мантию, сотканную из золота, скипетр, обвитый жемчугом, и корону, украшенную кровавыми рубинами.

Юный король с восхищением посмотрел на свои прекрасные уборы, но, вспомнив сны, встрепнулся и сказал:

— Я не надену эти уборы; уберите их!

Придворные подумали, что он шутит, и засмеялись

Но король строго сказал:

— Я говорю: спрячьте эти вещи; я не надену их, хотя сегодня и день моего коронавания.

Король встал и, указывая на уборы, скорбно продолжал:

— О, если бы вы знали, как добыты эти вещи! Вот эта мантия выткана руками скорби и страдания, а в сердце этих драгоценных камней — рубина и жемчуга — таится смерть...

И король тотчас же рассказал придворным виденные им три сна.

Выслушав рассказ короля, придворные переглянулись и тихо проговорили:

— Ясное дело, он помешался, потому что сон — не действительность. Кто же верит снам? А потом — нам нет никакого дела до жизни работающих на нас. Мы платим им — и они работают. Если поступать так, как рассуждает король, то, прежде чем сесть хлеб, надо повидать пахаря и поговорить с ним...

А распорядитель выступил вперед и сказал:

— Король, все мы умоляем тебя не думать о снах и надеть уборы. Если же ты не наденешь эти царские одежды, то народ и не узнает тебя.

— Не может быть, чтобы народ не признал меня королем без царских одежд!
— воскликнул король.

— Да, да, народ не узнает тебя! — хором вскричали придворные.

— Как? — возражал король. — Разве у меня не царственный вид? А впрочем, может быть, вы и правы. Однако я не надену мантии и короны. Каким я сюда пришел когда-то, таким и выйду отсюда.

После этого король велел всем уйти, оставив одного любимого паж.

Выкупавшись с его помощью в ванне, король достал из расписного сундучка свои прежние одежды: рубашку грубой ткани и жесткий овечий плащ. Все это он надел на себя и взял в руки простой посох пастуха.

Паж хотя и удивился, но с улыбкой сказал:

— Государь, ты при скипетре и в мантии, не хватает лишь короны...

Король вышел на балкон, сорвал ветку дикого шиповника и, сделав из нее венок, надел его на голову.

— Это будет моей короной, — сказал он.

Нарядившись так, король вышел в Большую залу. Там его ждали собравшееся придворные. Когда показался король, они стали смеяться. Одни закричали: — Государь, ведь народ ждет не нищего, а короля. — А другие негодовали, говоря: — Такой повелитель недостоин нас: он позорить государство.

Король молча прошел среди них, спустился вниз, сел на коня и медленно направился к собору. Паж шел рядом.

Народ не узнал короля и насмешливо кричал:

— Смотрите, вот едет шут нашего короля!

Король остановился и сказал: — Не правда... я сам король. Выслушайте меня.

И он во всеуслышание рассказал виденные им сны. Когда король замолк, из толпы выступил человек и с сожалением произнес:

— Эх, государь, тебе не изменить порядка в мире... Подумай только о том, что ваша пышность и роскошь кормят нас, бедняков. Не спору, работать у жестокого хозяина тяжело, но совсем не иметь работы еще хуже. Ведь птицы нас кормить не будут. И ты не властен приказать продавцу и покупателю: «Продавай по такой-то цене!», или: «Покупай на столько-то!». Наши страдания далеки от тебя, а потому поезжай обратно и надень свои уборы.

— Да ведь богатые и бедные — люди; и разве они не братья? — возразил король.

— Да, — отвечал человек, — богатый и бедный такие же братья, как Каин и Авель.

На глазах короля показались слезы. Но он не вернулся обратно, а поехал к собору. Пажа около него уже не было: он испугался и убежал.

Подъехав к ступеням собора, король слез с коня и хотел войти в собор. Но солдаты скрестили копья и сказали:

— Сюда нельзя. В эту дверь может пройти только один король.

Король, гневно проговорив: — Я—король... —отстранил копья и вошел в собор.

Старик — епископ, выступив к нему навстречу, удивленно сказал:

— Сын мой, эта пастушеская одежда не наряд короля... Какой скипетр я дам тебе в руку и какой короной стану венчать тебя? Ведь нынешний день — день радости для тебя, а не день унижения.

— Но радость не должна облекаться в одежду страданий, — ответил король и рассказал ему свои сны.

Когда король кончил, епископ гневно сказал:

— Сын мой, поверь умудренному опытом старику. Много зла в мире. Разбойники крадут чужое добро, похищают детей. Львы и дикие звери съедают слабых животных. Нищие голодают, и собаки сытее их. Ты бессилен все это изменить. Никто не будет повиноваться тебе. Тот, Кто создал нищету, мудрее тебя. Вернись во дворец, прими радостный вид, надень царские уборы — и я короную тебя. Сны же забудь, так как тяжесть и страдания мира непосильно тяжелы для сердца одного человека.

Король изумился.

— Как? — сказал он. — И ты говоришь мне это там, где витает дух Христа, объявшего своим чудным учением любви весь мир!

Сказав это, молодой король миновал епископа, поднялся к алтарю и склонился на колени перед изображением Христа. Большие свечи бросали яркий отблеск на золотые сосуды и ковчег, украшенный алмазами. Тонкие струйки ладана неслись кольцами вверх.

Король склонил голову и молился. Священники, стоя вине около алтаря в роскошных мантиях, поспешно отошли.

Вдруг послышался шум, и в храм ворвались придворные, имея в руках обнаженные мечи. А за ними вошел и народ.

— Где он? Где сновидец? — кричали они. — Где этот нищий-король? Мы сейчас расправимся с ним! Он не должен править нами!

Юный король, нагнув голову, вдохновенно молился. Кончив молитву, он поднялся и печально взглянул на придворных. Сквозь узорчатые стекла храма на него пали потоки солнечных лучей.

Они заиграли на его одежде — и она стала прекраснее царской мантии. Они заставили расцвести его сухой посох — и он казался белее жемчуга. Они озарили увядшую на его голове ветку шиповника — и она расцвела розами алее рубинов короны.

В таком облачении он стоял, и Слава Творца наполнила храм. Звуки органа неслись к сводам, и дивный хор мальчиков пел хвалебную песнь.

Народ пал в трепете на колени, вельможи убрали мечи и низко поклонились королю.

Епископ побледнел...

— Более могущественный, чем я, венчает тебя! — сказал он и пал перед королем на колени.

А молодой король медленно сошел со ступеней; его лицо сияло как лик небесного ангела. Толпа расступилась перед ним, и он прошел во дворец.